

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1981

(1781)

Феликс Лурье

АБРАМ ГАННИБАЛ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2019

АФРИКАНСКИЙ ПРАДЕД РУССКОГО ГЕНИЯ

Не «уловив тайну личности» поэта, не познакомившись с исследованиями, посвященными жизни и трудам Александра Сергеевича Пушкина, его родственным связям, друзьям, мы не можем ответить даже на самые простые вопросы, возникающие при чтении его произведений, не можем проникнуть в глубины замысла автора и, следовательно, понять его до конца. Почему Пушкин взялся за исторический роман «Арап Петра Великого», почему сделал это именно в 1827 году и не раньше, почему не завершил его, почему изобразил героя именно таким?.. А между тем на каждый из этих вопросов (и на многие другие) имеется ответ.

Пушкину повезло больше других русских литераторов — изучением его жизни и творчества занимались крупнейшие литературоведы и лингвисты. О нем написано чрезвычайно много, и многое столь блистательно, что пользуется неизменным успехом у широкого круга читателей. Книга «Дуэль и смерть Пушкина: Исследование и материалы», которую П. Е. Щеголев создавал как сугубо академический труд, совсем недавно дважды выдерживала двухсоттысячные тиражи. Пушкин притягивает и завораживает данной ему природой гениальностью, чертами характера, благородством души, кругом друзей, драматической кончиной. Мы знаем о нем чрезвычайно много, почти все, и тем не менее непрерывно всплывают вопросы, нуждающиеся в ответах, уточнениях, проверке, появляются новые исследования. И этот процесс бесконечен.

На внешность Александра Сергеевича, черты его характера, темперамент сильнейшее влияние оказала текшая в его жилах кровь африканского прадеда — Абрама Петровича Ганнибала. Происхождение поэта отобразилось и в его творчестве, поэтому все, что связано с загадочными

африканскими предками Пушкина, нам особенно интересно. Первые попытки изучения жизни Ганнибала предпринял сам А. С. Пушкин. Вслед за ним с разной степенью полезности сбором материалов к биографии прадеда поэта и ее изложением занялись П. В. Анненков, М. Д. Хмыров, М. Н. Лонгинов, Я. К. Грот, Д. Н. Анучин, В. В. Стасов, Г. И. Сондоевский, С. И. Опатович, С. Н. Шубинский, И. А. Шляпкин, А. С. Ганнибал, Н. А. Гастфрейнд, Б. Л. Модзалевский, Т. Г. Цявловская, М. Вегнер, И. Л. Фейнберг, В. В. Набоков, И. В. Данилов, Н. К. Телетова, Н. П. Хохлов, Д. Гнамманку, Г. Леец, Д. Д. Благой, А. М. Гордин, Н. И. Грановская, А. М. Бессонова, Т. А. Лаптева, Н. А. Малеванов, Е. А. Прянишников, Н. Я. Эйдельман, В. С. Листов, А. М. Букалов, Т. Ю. Мальцева и др.

Среди упомянутых здесь лиц есть те, кто занимался исключительно поиском архивных материалов и их публикацией, подчас даже не комментируя их. Изучение архивных фондов, начатое А. С. Пушкиным, длится уже около ста восьмидесяти лет. Обследовано большинство архивохранилищ, где могли бы находиться документы, запечатлевшие жизнь и деятельность А. П. Ганнибала. Автору этих строк почти ничего нового в архивах и рукописных отделах институтов, музеев и книгоохранилищ отыскать не удалось. Однако изучение печатных источников показало, что до сих пор нет сравнительно полной биографии африканского прадеда: в разных исследованиях акцентируются разные периоды его жизни, используются не все архивные документы и отдельные статьи, раскрывающие важные подробности биографии А. П. Ганнибала. К тому же обнаружилось, что ряд документов недостаточно глубоко проанализирован, в некоторые тексты вкрались существенные ошибки. Поэтому автор решил попытаться заново рассказать биографию А. П. Ганнибала — африканского прадеда русского гения.

Приступая к работе над этой книгой, автор частью просмотрел, частью перечитал сочинения А. С. Пушкина и извлек из них все, что, на его взгляд, возможно использовать при написании биографии его африканского прадеда. Исторические изыскания Александра Сергеевича остались незавершенными, не все документы ему удалось изучить. Разумеется, они обременены ошибками и отчасти устарели. Но значительное их число написано правнуком о том времени, когда жил его прадед. Поэтому в книге использованы в первую очередь именно они. Пушкинская трактовка

исторических событий не введет читателя в заблуждение, как это может произойти при чтении некоторых современных исторических сочинений.

Автор выражает глубочайшую благодарность всем, кто содействовал изданию этой книги, и в частности И. В. Данилову, предоставившему ценнейшие документы, привезенные из Африки; О. П. Новиковой за неоценимую помощь в работе над рукописью; Ю. Н. Беспятым за тяжкий труд первого читателя, долготерпение и ценные замечания, а также Н. И. Абрамовой, Е. Л. Звягиной, А. М. Резниченко, О. Е. Соломенко, В. А. Степановой и Е. А. Цветковой за дружескую помощь. Душевно признателен своим старинным друзьям М. Л. и Л. М. Звягиным, позволившим опубликовать изображения ряда предметов из их грандиозной африканской коллекции.

Глава I
В ПОИСКАХ РОДИНЫ

Одним из самых выдающихся событий, ускоривших развитие человечества, следует назвать возникновение письменности — системы знаков и правил, способных запечатлеть мысль, знания, опыт. Древнейшие записи, дошедшие до нас, сообщают о событиях, современных писавшему или произошедших с его предками, то есть историко-географические и генеалогические сведения. Без генеалогии не обходится даже Священное Писание. Новый Завет открывается Евангелием от Матфея. Приведем первые его строки:

1. Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова.

2. Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его.

3. Иуда родил Фареса и Зару от Фамари; Фарес родил Есрома; Есром родил Арама <...>

17. Итак, всех родов от Авраама до Давида четырнадцать родов; от Давида до переселения в Вавилон четырнадцать родов; от переселения в Вавилон до Христа четырнадцать родов.

Что это, если не генеалогический список?

Все мы или почти все стремимся знать историю своей родины и историю своих предков: кто были наши деды и прадеды и какую роль сыграли они в событиях прошлого. Думая о жизни наших пращуров, мы представляем на их месте себя, изучение их жизни становится для нас самопознанием — узнавая больше о них, мы начинаем понимать, на что способны сами, какие поступки можем совершить, чего достигнуть. Многие из нас составляют генеалогические древа своих фамилий, узнают, откуда они «проросли», что происходило с их предками во времена опричнины, на Бородинском поле, в Великую Отечественную войну...

Архивы полны документов, отыскать своих предков, даже отделенных от нас несколькими столетиями, нелегко, но вполне реально. Разумеется, родословие крестьянской семьи менее привлекательно, чем дворянской, но встречаются исключения, и еще какие...

Вплоть до Октябрьской революции дворянство придавало особое значение родственным связям, знатности происхождения, именитости. Родство и даже свойство содействовали карьере, получению наград, смягчению наказаний. Возможно, сказалось влияние неистребимого местничества, вплоть до конца XVII столетия игравшего решающую роль в распределении главнейших должностей и связанных с ними благ.

Непомерная гордыня властвовала над княжескими и боярскими родами с незапамятных времен, отвлекая от дел, обременяя, развращая, искушая. Чванство, заносчивость, тщеславие проявлялись в самых уродливых формах. На дворцовых церемониях, во время пиршеств, дипломатических приемов, церковных богослужений дородные бородачи в расшитых золотом кафтанах, надетых один поверх другого, толкались, рукоприкладствовали, сквернословили, отстаивая место попочетнее, доказывая превосходство в родовитости.

Для разрешения постоянно вспыхивавших распрей о первенстве и старшинстве в Московском государстве сложилось местничество — набор правил назначения на военные, статские и придворные должности, на место, занимаемое за княжьем столом. Сложилась строгая система определения старшинства родов и первенства внутри рода, «военно-аристократический распорядок московского общества»¹. При Государевом дворе каждый род занимал соответствующее положение, внутри рода каждый имел свое место. Все споры о «бесчестии», «порухе» и «потерке» решал суверен, но и он не был свободен при вынесении приговоров и назначениях на должности. Местничество мешало, наносило непоправимый вред державе. С XVI века на периоды войн объявлялось «безместие», суверен мог ставить воеводами и крупными чиновниками по способностям.

12 января 1682 года «Соборным деянием» Земского собора местничество было отменено навсегда. По повелению царя Федора Алексеевича почти все разрядные книги с записями местнических дел были сожжены, а составление новых прекращено. В том же году при Разрядном приказе

---

¹ Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. Пг., 1919. С. 525.

возникла Родословных дел палата, занимавшаяся составлением родословных книг, куда вносились списки членов одной фамилии или нескольких по порядку нисхождения колен². Источниками для составления родословных книг служили официальный «Родословец» и частные родословные росписи. Конечным результатом деятельности Палаты стала «Бархатная книга», получившая свое название за обтянутый малиновым бархатом переплет. В день уничтожения местничества царь повелел «объявить на Земском соборе служилым людям, представителям княжеских, боярских и других именитых родов, что «впредь им и будущим их родов на память указал он, Великий Государь, быти в Разряде Родословной Книге родам их и тое Родословную Книгу пополнить, и которых имян в той Книге и в родех не написано — и тех имена в Родословную Книгу написать вновь к сродникам их, и для того взять у них росписи за руками». В другую книгу должны были быть занесены княжеские и иные честные роды, «которые при предках его, Государевых, были в честях: в боярах и в окольныхчих, и в думных дворянах, или которые старых же честных родов в таких вышеписанных честях и не являлись, а в царство прадеда его, Великого Государя, Государя Царя и Великого князя Иоанна Васильевича всея России Самодержца и при его, государеве, державе были в послах, и в посланниках, и в полках и в городех в воеводах, и в знатных посылках, у него, Великого Государя, в близости, а в Родословную Книгу родов их не написано — и те роды с явным свидетельством написать в особую книгу»³.

В «Бархатной книге» оказались самые именитые дворянские фамилии из Рюриковичей, Гедиминовичей и наиболее к ним близких, отыскалось место и для Пушкиных⁴.

Результаты деятельности Родословных дел палаты легли в основу возникшей позже специальной исторической дисциплины генеалогии, занимающейся происхождением родов, фамилий и отдельных лиц, родственными связями⁵. Без обращения к генеалогии ничье жизнеописание составить невозможно. В конце XIX и главным образом в начале XX века ее развитию и изучению придавалось особое значение, многие пожелали знать свое происхождение.

---

² Государственность России: Словарь-справочник. Кн. 6, ч. 2. М., 2009. С. 245.

³ Государственность России. Кн. 6, ч. 1. С. 43.

⁴ См.: Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л., 1929. С. 20.

⁵ См.: Бычкова М. Е. Родословные книги XVI—XVII вв. М., 1975.

Александр Сергеевич Пушкин ревностно изучал родословную семьи, с жадным любопытством отыскивал мельчайшие подробности жизни отдаленных родичей, бережно коллекционировал их. Со стороны отца и бабки по материнской линии все обстояло более чем благополучно: по отцу предки прослеживаются с XIII века, по матери — с IX века, Рюриковичи. Пятеро пращуров поэта поставили подписи под актом избрания на престол Михаила Романова⁶. А вот прадед со стороны матери поэта Надежды Осиповны, в девичестве Ганнибал, был негром таинственного происхождения. Сказалось ли это на характере правнука? Да. Первый его биограф П. В. Анненков писал:

«Не надо быть рьяным поклонником учения о неотразимости действий физиологических и нравственных свойств родоначальников семей на все их потомство, чтобы верить в возможность фамильной передачи некоторых крупных психических особенностей со стороны отца и матери своей ближайшей отрасли. Некоторое изучение характера и натуры А. С. Пушкина неизбежно приводит к заключению, что в основе их лежат унаследованные черты и отличия двух родов — Ганнибаловых и Пушкиных, только значительно переработанные и облагороженные их знаменитым потомком. Любопытно поэтому присмотреться ближе к двум элементам, которые, так сказать, вошли в состав нравственного существования А. С. Пушкина и частью определил его»⁷.

Пушкин всем существом ощущал присутствие в себе черт негритянского прадеда, от него он унаследовал внешность, характер; черный предок волновал, не давал покоя. Александр Сергеевич понимал, что его африканское происхождение обсуждается у него за спиной и стороннее любопытство не всегда доброжелательно. Это раздражало поэта с юных лет, принуждало болезненно реагировать на любое упоминание о Ганнибале. Дети нередко проявляют необузданную жестокость, нетерпимость, неистовую злость. Что мог случайно (или не случайно) услышать юный лицеист?.. Из всего русского дворянства только в нем и его родне текла африканская кровь. Кем ощущал он себя? Чужаком, человеком меченым, обладателем изъяна, физического недостатка, которого приходилось необъяснимо стыдиться? Чувствовал ли он потребность доказывать другим, что он та-

---

⁶ См.: Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина: Исследование и материалы. М., 1987. С. 346.

⁷ Анненков П. В. Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху. 1799—1826. СПб., 1873. С. 1—2.

кой же, не хуже их? Это может объяснять его реакцию — заносчивость, нарочитую развязность, эпатаж, подозрительность, вспышки ярости даже в зрелом возрасте, стремление слыть дворянином самых голубых кровей.

Однокашник Пушкина С. Д. Комовский, отвечая в 1851 году на вопросы П. В. Анненкова, вспоминал: «И что сами товарищи его, по страсти Пушкина к французскому языку (что, впрочем, было тогда в духе времени), называли его в насмешку французом, а по физиономии и некоторым привычкам обезьяною и даже смесью обезьяны с тигром». Другой лицеист, М. Л. Яковлев, прокомментировал это воспоминание: «Как кого звали в школе в насмешку, должно только оставаться в одном школьном воспоминании старых товарищей; для читающей же публики и странно и непонятно будет читать в биографии Пушкина, что его звали обезьяной, смесью обезьяны с тигром»⁸. Ю. М. Лотман посвятил исследование прозвищам Пушкина⁹.

О. С. Павлищева передала нам содержание разговора брата с назойливой француженкой, пытавшейся узнать о его происхождении. На ее вопрос о том, кто был отцом прадеда, если прадед был негром, взбешенный Пушкин ответил: «Обезьяной»¹⁰.

Описаний внешности Александра Сергеевича множество, приведем три из них. Польский врач С.-А. Моравский (1802—1853) вспоминал: «Цветом лица Пушкин отличался от остальных. Объяснялось это тем, что в его жилах текла кровь Ганнибала, которая даже через несколько поколений примешивала свою сажу к нашему славянскому молоку»¹¹. Другой портрет нарисовала Аннет Оленина (1808—1888), в которую Пушкин был влюблен, даже сватался, но получил отказ: «Бог, даровав ему Гений единственный, не наградил его привлекательной наружностью. Лицо его было выразительно, конечно, но некоторая злоба и насмешливость затмевали тот ум, который виден был в голубых или, лучше сказать, стеклянных глазах его. Арапский профиль, заимствованный от поколения матери, не украшал лица его, да и прибавьте к тому ужасные бакенбарды, растрепанные волосы, ногти, как когти, маленький рост, жеманство в манерах, дерзкий взор

⁸ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1974. Т. 1. С. 69.

⁹ Лотман Ю. М. «Смесь обезьяны с тигром» // Временник Пушкинской комиссии. 1976. Л., 1979. С. 110—112.

¹⁰ Анненков П. В. Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху. С. 12.

¹¹ Цит. по: Букалов А. М. Пушкинская Африка. СПб., 2006. С. 33.

на женщин, которых он отличал своей любовью, странность нрава природного и принужденного и неограниченное самолюбие — вот все *достоинства* телесные и душевные, которые свет придавал Русскому Поэту XIX столетия»¹². Внучка М. И. Кутузова графиня Д. Ф. Фикельмон (1804—1863), возлюбленная Пушкина¹³, писала: «Невозможно быть более некрасивым — это смесь наружности обезьяны с тигром»¹⁴.

Все в один голос отмечали его вспыльчивость и энергию, приобретенные от африканских предков. С младенчества отличие от других лишало его душевного спокойствия, мешало творить. Не случайно самые плодотворные периоды в его творчестве приходятся на время жизни в Михайловском и Болдине: там, вдали от людей, наступало успокоение, ничто его не раздражало.

Изменится ли наше отношение к Пушкину оттого, что мы больше узнаем о его африканском прадеде? Нет, но мы глубже проникнем в его творчество. В. Ф. Ходасевич размышлял: «Нельзя написать „голую“ биографию Пушкина, не связанную с историей и смыслом его творчества, — так же, как это творчество непостижимо, нерасшифровываемо вне связи с биографией... писания Пушкина и соблазнительно сопоставлять с его личной жизнью и исследовать в свете этой жизни, что их глубоко личная чуть ли не „дневниковая“ природа лишь в этом случае довольно обнаруживается и позволяет их, наконец, прочитать в подлинном смысле»¹⁵. У любого поэта жизнь и происходящие вокруг события теснейшим образом переплетены со стихами. В «Арапе Петра Великого» от автора, его интуиции, догадок, происхождения куда больше, чем от документов.

Приведем две краткие генеалогии — А. С. Пушкина и А. П. Ганнибала. Первая заимствована у Б. Л. Модзалевского¹⁶; вторая составлена с использованием работы А. М. Бессоновой¹⁷, и в ней указаны лишь те представители 4—6 поколений Ганнибалов, которые позволяют проследить степень родства А. С. Пушкина с владельцами «Немецкой биографии А. П. Ганнибала» (о ней позже).

¹² Оленина А. А. Дневник. Воспоминания. СПб., 1999. С. 67—68.

¹³ См.: Рейсер С. А. Пушкин в салоне Фикельмон (1829—1837) // Временник Пушкинской комиссии. 1977. Л., 1980. С. 36—43.

¹⁴ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 140.

¹⁵ Цит. по: Букалов А. М. Пушкинская Африка. С. 133.

¹⁶ Модзалевский Б. Л. Пушкин. С. 36.

¹⁷ Бессонова А. М. Прадед Пушкина Ганнибал и его потомки: Очерки. Родословная роспись. СПб., 2003. С. 157—224.